

Разве можно так жить? Стоит ли оно того?

Юй Цинъюнь и сам не раз задавался этим вопросом, но понимал: у него нет права грезить о прекрасном завтра. Мечтать о будущем могут лишь те, кому принадлежит их жизнь, он же не властен даже над собственной судьбой. Так откуда взяться силам бороться за свободу?

— Хорошо ли это? Кто знает, — Юй Цинъюнь криво усмехнулся, и в его взгляде сквозило ледяное безразличие. — Возможно, смерть стала бы для меня лучшим исходом, но вот беда — сейчас мне совсем не хочется умирать.

Он должен был погибнуть, но выжил. И теперь, вцепившись в это существование, продолжал идти вперед, какой бы грязью ни была пропитана его доля.

— А-а, к черту мысли! Нельзя пренебрегать добрым вином и яствами. Нечасто Глава павильона заглядывает ко мне в гости, так что сегодня мы обязаны пить до победного!

Привести Юй Цинъюня в чувство было проще простого: стоило предложить ему изысканное вино или общество красавицы, и он мгновенно забывал о любых невзгодах.

— Даже не думай поить меня той кислятиной, что дают простолюдинам. Доставай-ка свое кипарисовое вино, я знаю, что ты прячешь его в погребе.

Симин мысленно выругался: сам себе вырыл яму. Кто же знал, что этот пройдоха выведет местонахождение его лучших запасов!

— Ладно, ладно, — Симин со вздохом покачал головой и направился к выходу. — И после Нирваны ты остался таким же несносным.

— Стой! — Юй Цинъюнь резко вскочил, схватил Сими́на за широкий рукав и пристально посмотрел ему в глаза. — Что ты только что сказал?

Симин замер, чувствуя себя так, словно проглотил муху.

—...Ах, я сказал, что даже после Нирваны вы сохранили свою божественную красоту! — он заискивающе улыбнулся, надеясь заговорить другу зубы. — Ох и язык мой — помело! Пусть вы и выглядите... э-э... несколько двусмысленно, ни мужчина, ни женщина... но отрицать вашу стать невозможно, вы так прекрасны и...

— Хватит, — Юй Цинъюнь разжал пальцы, и напряжение на его лице немного спало. — Опять ты за старое, намекаешь на мою андрогинность.

Симин глупо хихикнул. В такие моменты прикинуться дурачком было самым мудрым

решением — в этом искусстве он преуспел, не раз спасаясь таким образом от гнева Эрланшэня.

— Пойду принесу вино. Кипарисовое, верно?

Не успело эхо его шагов затихнуть, как Симин растворился в сумерках.

Кубок полон кипарисового вина, светильник расцвел девятью огнями. Чаша за чашей, но не осушить ими тысячи строк слез.

Юй Цинъинь бессильно откинулся в плетеном кресле. Он даже не успел вздохнуть, как навалилась невыносимая усталость. Этот мир соткан из лжи, и даже Симин что-то скрывает.

Чтобы отвлечь гостя, хозяин дома не поскупился: на столе появились лучшие вина и редчайшие деликатесы. Сегодня они пили ради самого процесса, отдаваясь пороку без остатка. Говорят, вино лишь множит печали, но этих двоих тоска не заботила — ими владела истинная страсть к выпивке. Симин держался стойко: пусть он не был из тех, кто может осушить море, не моргнув и глазом, но несколько кувшинов были ему вполне по силам.

Юй Цинъинь же был исключением. Если он не желал пьянеть, то мог пить бесконечно. Но если в нем пробуждалась жажда забвения, то и одного кувшина крепкого вина хватало, чтобы лишить его чувств.

К середине четвертого сосуда щеки Юй Цинъиня залил яркий румянец. Симин поначалу не придавал этому значения, решив, что «дикая птица» приложился к бутылке еще до визита.

Когда была распечатана пятая фляга, Симин потянулся к чаше друга, чтобы долить вина, но Юй Цинъинь вдруг перехватил его руку. В одно мгновение хмель выветрился из головы Симины, уступив место дурному предчувствию.

— Цинъинь?

Взглянув на пальцы, сжимавшие его запястье, Симин испытал настоящий шок. Юй Цинъинь прищурился, в его взоре плескалась неясная истома, а лицо, зардевшееся, как спелый персик, казалось вызывающе прекрасным. Этот жаркий румянец так контрастировал с мертвенно-бледной кожей шеи, что даже Симин, всегда отличавшийся целомудрием и строгостью нрава, почувствовал, как пошатнулась его воля.

Видно, и до Нирваны, в той, прошлой жизни, Юй Цинъинь был тем еще искусителем.

Эта пара, Феникс и Хуан, были как инь и ян, как свет и тьма. Но теперь... Хуан стал воплощением двойственности, а Феникс — заложником собственного противоречия.

— Симин?

Опьянение изменило Юй Цинъюнь. Он бесцеремонно выхватил кувшин из рук хозяина и отшвырнул его в сторону. И пока Симин с тревогой следил за полетом драгоценного сосуда, Юй Цинъюнь придвинулся вплотную, опрокинул его на спину и навалился сверху.

— Глава павильона, вы пьяны, — Симин чувствовал, что ситуация выходит из-под контроля. — Посмотрите внимательнее, я не ваш любимый Дитин.

— М-м? — Юй Цинъюнь обхватил лицо Симина ладонями и посмотрел на него в упор, едва не касаясь кончиком носа. —...И правда, совсем не мой тип.

Сказав это, он убрал руки, но слезать не спешил. Напротив, он прижался всем телом к груди Симина и прошептал:

— Мы ведь знакомы уже больше сотни лет. Почему бы нам хоть раз не поддаться желаниям?

Даже невозмутимый Симин потерял дар речи.

Пусть они были одного пола, но это лицо, в котором мужское начало причудливо переплеталось с женским, могло свести с ума любого. В этом был весь Юй Цинъюнь — доводить окружающих до иступления.

Симин закрыл глаза и глубоко вздохнул, мысленно проклиная всё на свете и заодно поминая недобрым словом учителя своего гостя. Бог Феникс был образцом благородства и сдержанности, истинным праведником, а его любимый ученик — распутной птицей, чей удел — вино, нега и бесконечные оргии.

— Дорогой Глава, иметь честь лицезреть вашу белоснежную грудь — это счастье, которое нужно заслуживать тысячу лет, — Симин уперся руками в плечи Юй Цинъюня и попытался его отодвинуть. — Но от подобных «весенних утех» увольте. И хочется, и колется, да совесть не велит — не по сеньке шапка.

Юй Цинъюнь лишь прикусил губу и улыбнулся — так расцветает весенний персик, наполняя воздух дурманящим ароматом.

— А ты забавный, Симин.

— Что?

Симин не успел возразить — его губы бесцеремонно накрыли поцелуем.

В своей жизни Сими́ну доводилось целоваться не раз, но делать это с полоумным Юй Циньинем... Такого сомнительного удовольствия он еще не испытывал!

— Чем это вы тут занимаетесь?

Стоило Сими́ну с трудом отпихнуть Юй Циньиня и сесть, как за спиной раздался голос, от которого кровь застыла в жилах.

Этот низкий, властный рокот не мог принадлежать никому, кроме Эрлан-шэня. Симин медленно обернулся и встретился взглядом с Ян Цзянем, чье лицо сейчас напоминало грозовую тучу.

—...

За тысячу лет своего божественного служения Симин впервые ощутил непреодолимое желание сигануть с террасы прямо в бездну.

Атмосфера мгновенно накалилась. Симин оцепенел от ужаса, а Юй Циньинь, заметив перемену в настроении собеседника, времени даром не терял — он мгновенно испарился! У этого парня была восхитительная привычка: натворить дел и бросить Сими́на разгребать последствия в одиночку.

Подмоги ждать было не от кого. Пришлось принимать бой.

— Ох, Владыка... — запыхавшийся Шао Симин вбежал в комнату. — Небесный Судья сказал, что у него к вам срочное дело, я не успел доложить...

— Я вошел без приглашения, не вини его, — отрезал Ян Цзянь. Он стоял неподвижно, сверху вниз взирая на вжавшегося в пол Сими́на. Голос его был лишен всяких эмоций. — Не собираешься вставать? Или ноги не держат?

— Кхм... — Симин готов был поклясться, что в уголках губ Ян Цзяня промелькнула холодная усмешка. Тот явно издевался. — Благодарю за заботу, истинный владыка. Ноги и впрямь немного онемели. Может, поможете подняться?

Шао Симин благоразумно ретировался, оставив их наедине.

— Симин, ты и вправду...

Сбежав из поместья Симины, Юй Цинъинь на неверных ногах добрался до человеческого мира и рухнул прямо в поместье Су. Время в небесных чертогах течет иначе: когда он уходил в город Фэнду, было солнце в зените, а сейчас город окутала глухая ночь. Улицы вымерли, в домах погасли огни. Он удрал, ничего не сказав Му Сибай, и теперь совершенно не представлял, как объяснять стойкое амбре изысканного вина. Идти через парадный вход было слишком рискованно, так что Юй Цинъинь на цыпочках прокрался к окну, намереваясь залезть внутрь.

Стояло жаркое лето, и Му Сибай обычно оставлял окна открытыми — идеальный шанс для диверсии. Юй Цинъинь отодвинул белую занавеску, ухватился за раму и приготовился к прыжку. Будь он трезв, подобный трюк не составил бы труда. Но сегодня голова шла кругом, и в момент прыжка он понял, что сейчас позорно растянется на полу.

Однако вместо жестких досок он ощутил руки Му Сибая.

Тот, пользуясь преимуществом в росте, подхватил Юй Цинъиня за одежду и буквально вздернул вверх, спасая его нос от неминуемой встречи с полом.

— Как ты вовремя, Сибай... — пролепетал он.

Хмель еще не выветрился, и голос Юй Цинъиня звучал сладко и тягуче, с отчетливыми мускусными нотками — точь-в-точь как у завсегдатая сомнительных заведений.

— Ты...

Юй Цинъинь навалился на него всем весом. Му Сибай почувствовал резкий запах вина и нахмурился.

— С кем ты так нарезался?

— Угадай... — Юй Цинъинь принялся вычерчивать круги пальцем на его груди, продолжая играть с огнем. — В отличие от тебя, он не смертный...

— Значит, все эти годы ты жил в таком вертепе?

Му Сибай перехватил его руки и, почти волоча за собой, вывел из комнаты. Вероятно, почувствовав неладное, Юй Цинъинь притих и покорно позволил дотащить себя до небольшого пруда в саду.

— Я помогу тебе протрезветь, — ледяным тоном произнес Му Сибай и без малейших колебаний столкнул его в воду.

— Плюх!.. А-а-а!..

Вода была неглубокой, но обжигающе холодной — лучший способ привести чувства в порядок среди ночи.

Юй Цинъинь, не умевший плавать, несколько секунд отчаянно барахтался, прежде чем нащупал дно. Вода едва доходила ему до пояса, но для Феникса, панически боявшегося глубины, этого было более чем достаточно.

— Му Сибай! Да как ты...

Юй Цинъинь стер воду с лица и в ярости уставился на Му Сибая. С тем сегодня явно было что-то не так.

— Что «я»?

Если обычно Му Сибай был скуп на эмоции, то сейчас он превратился в глыбу льда. От него веяло таким холодом, что воздух вокруг, казалось, замерзал. Он был в ярости. Юй Цинъинь наконец осознал, что его так напугало: вечно бесстрастный, отрешенный Му Сибай, больше похожий на изваяние Будды, впервые по-настоящему разозлился. И этот гнев смертного заставил даже божественное сердце Юй Цинъиня пропустить удар.

<http://bllate.org/book/17464/1694709>